

ВАЛУННЫЕ КЕНОТАФЫ ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2022

Шахнович М.М.

Кольский научный центр РАН (г. Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена малоизученной погребальной практике православных общин Беломорья и Русской Лапландии при ситуации отсутствия тела. Основой для исследования стали результаты работ автора в последние два десятилетия. На острове Кильдин в Баренцевом море, на озере Среднее Куйто в Северной Карелии и на маленьком лесном озере около города Ковдор зафиксированы три оригинальных, сходных памятника – группы «каменных сложений неизвестного назначения». Неординарность и дискуссионность этих объектов требует планомерного их изучения, введения в научный оборот и интерпретации. На основе опыта работы с такими объектами в Карелии и на Кольском полуострове можно утверждать, что они не предназначались для хозяйственных целей. Ряд общих признаков позволяет отнести данные сооружения к группе памятников, связанных с православной погребальной традицией. Это ориентированность каменных сложений запад – восток, общее расположение «за водой», на периферии кладбищ, визуальное сходство с надгробными земляными холмиками или деревянными «домиками мертвых». Предположительно они были наземными кенотафами для утонувших – «домиком» для души при отсутствии тела. Распространение традиции их создания можно ограничить ареалом культуры русских и карел Поморья европейского Севера. Предварительно они датируются периодом позднего Средневековья – Нового времени и рассматриваются как часть православной культуры населения Восточной Фенноскандии. Понимание идеи этих объектов невозможно без информации по этнографии славянских и финно-угорских этносов – о разделении покойников на умерших «своей» или «не-своей» смертью.

Ключевые слова: Русская Лапландия; Западное Беломорье; православный погребальный обряд; валунные кенотафы; «нечистые» покойники; позднее Средневековье.

BOULDER CENOTAPHS OF EASTERN FENNOSCANDIA: THE QUESTION OF ONE KIND OF THE ORTHODOX FUNERAL RITE IN THE LATE MIDDLE AGES

© 2022

Shakhnovich M.M.

Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Murmansk Region, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the little-studied funeral practice of the Orthodox communities of the White Sea region and Russian Lapland in the absence of a body. The research was based on the results of the author's work in the last two decades. On the island of Kildin in the Barents Sea, on Lake Sredne Kuito in North Karelia and on a small forest lake near the town of Kovdor three original, similar monuments – groups of «stone structures of unknown purpose» have been recorded. The originality and controversiality of these objects requires their systematic study, introduction into scientific circulation and interpretation. Archaeologists, as a rule, carry out only a primary fixation of objects, but excavations do not always allow to determine clearly the purpose of stone piles. Based on the experience of working with such facilities in Karelia and on the Kola Peninsula, it can be argued that they were not intended for economic purposes. A number of common features make it possible to attribute these structures to a group of monuments associated with the Orthodox funeral tradition. This is the orientation of the stone constructions west – east, the general location «beyond the water», on the periphery of cemeteries, visual similarity with grave mounds of earth or wooden «houses of the dead». Presumably they were ground cenotaphs for the drowned – a «house» for the soul in the absence of a body. The spread of the tradition of their creation can be limited to the area of culture of the Russians and Karelians of the Pomerania of the European North. They are tentatively dated to the period of the Late Middle Ages – Modern Times and are considered as part of the Orthodox culture of the population of Eastern Fennoscandia. Understanding the idea of these objects is impossible without information on the ethnography of Slavic and Finno-Ugric ethnic groups – about the division of the dead into those who died a «natural» or «unnatural» death.

Keywords: Russian Lapland; West White Sea region; Orthodox funeral rite; boulder cenotaphs; «unclean» dead; the late Middle Ages.

«...Да наглая смерть
не похитит мя неготоваго...»

Введение

Территория нашего исследования – это Восточная Фенноскандия, включающая Западное Беломорье, Северную Карелию и Русскую Лапландию, зона исторического проживания карелов, поморов и са-

ами. При существенной разнице в менталитетах, способах хозяйствования и жизненных укладах данные этносы объединяет многовековая принадлежность к православию.

Погребальный обряд как отражение основополагающих мировоззренческих положений формирует наше представление о духовной жизни народа. Дан-

ная работа посвящена малоизученной погребальной практике – способу «проводов» умершего человека в потусторонний мир при отсутствии тела.

Источниковой базой для исследования стали результаты экспедиционных работ автора в Северной Карелии и Русской Лапландии в последние два десятилетия, когда были зафиксированы три интересных, морфологически сходных памятника – группы «каменных сложений неизвестного назначения» (рис. 1). Неординарность и дискуссионность этих объектов требует планомерного и подробного их изучения, введения в научный оборот и расширенной интерпретации, что и стало целью данной публикации.

Описание объектов

1. В 2019 году на южном берегу озера Среднее Куйто (Калевальский р-н Республики Карелия), на оконечности восточного мыса, при входе в залив Каклолакши обследован комплекс из девяти валунных «куч» Каклолакши I. На противоположном западном берегу ранее располагалась одноименная деревня. Мыс широкий, ощутимо повышающийся к востоку, где начинается каменистый, поросший сосняком оз. Уровень воды в системе озер Куйто во второй половине XX века был поднят на 1,5–2 м, что привело к сильному размыву песчаных участков береговой линии. Валунные сложения располагаются компактной группой (20 × 10 м) на западном склоне окончания каменистого оза, на высоте 8–10 м над современным уровнем озера, и одна каменная «куча» находится в 13 м к западу, на нижней песчаной площадке, на краю крутого обрыва (рис. 2).

«Кучи» сложены аккуратно из среднего размера окатанных камней с пляжа, преимущественно диаметром 0,25–0,3 м и более. Камни покрыты лишайниками, сложения не задернованы. В плане они вытянутой подпрямоугольной или овальной формы, размерами 2,2–1,7 × 2–1,3 м (5 шт.) и 1,5–1,2 × 1,3–1 м (4 шт.), высотой 0,7–0,9 м, с ориентацией по длинной оси запад – восток. Нижний ряд выложен из более крупных камней, с помещением меньших в центре сложения. В четырех случаях боковые стенки вертикальные, у двух – верхняя поверхность плоская, два – пирамидальной формы. Выемки в верхней части для установки чего-либо и следы от воздействия огня на камнях отсутствуют. Отметим, что кладки сделаны на каменистой, без песчаного слоя, со значительным наклоном поверхности оза. Возможно, сложения имитируют двускатный надгильный холмик. В 0,1 км к юго-востоку от данной группы, на песчаной террасе мыса, находится заброшенное деревенское кладбище с несохранившимися деревянными конструкциями.

2. В 2017 году на южном берегу острова Кильдин (Кольский р-н Мурманской обл.), к западу от ручья Черный, в прибрежной зоне найдена группа валунных сложений – Черный I. Остров Кильдин располагается в 17 км к востоку от входа в Кольский залив Баренцева моря. От материка его отделяет пролив шириной в самом узком месте 0,8 км. В настоящее время на острове и прилегающем участке материкового побережья известно более 70 разновременных памятников археологии. Они находятся на первой и второй морских террасах, на высоте от 4–5 до 20 м над уровнем моря [1].

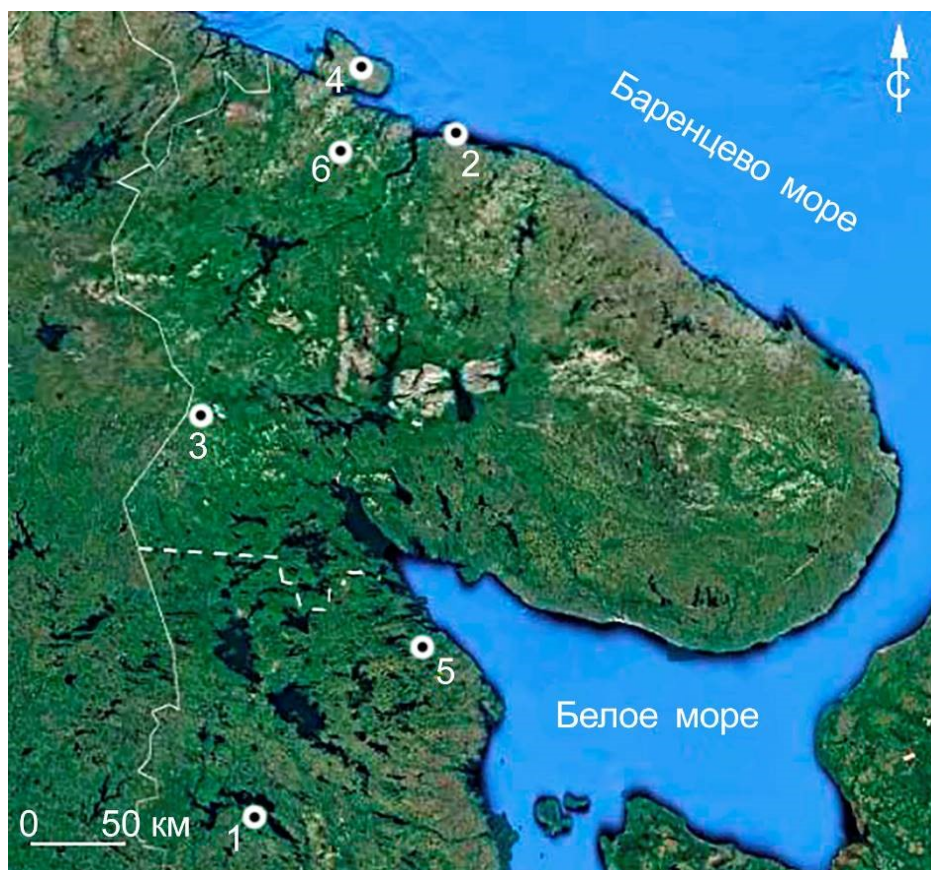

Рисунок 1 – Местонахождение валунных объектов.

1 – Каклолакши I; 2 – Чёрный I; 3 – Озеро Окунёвое; 4 – река Майка; 5 – оз. Боярское; 6 – река Ура

Залив Могильный в юго-восточной части острова перспективен для поиска существовавших здесь самских и поморских поселений XVI–XIX вв. Голландские путешественники в конце XVI века описывают находившееся здесь большое промысловое сезонное становище «московитов и лопарей», которое в XVII–XVIII веках сменили фактории Печенгского и Соловецкого монастырей. Около ручья Черный на исторических картах никакие объекты не отмечены.

Пятнадцать найденных в 2017 году сложений располагаются компактной группой (100 × 30 м) на прибрежном участке южного берега острова, в 2,5 км к северо-западу от п. Восточный Кильдин, в 0,2 км к западу от ручья. Поверхность берега около моря имеет ощутимый наклон в сторону моря, частично поросла кустарником, задернована, есть небольшие скальные выходы. Грунт – крупнозернистый песок (рис. 3).

Валунные сложения находятся недалеко от воды – в 7–15 м, на высоте 2–4 м над уровнем моря в период прилива, недалеко друг от друга (расстояние между кладками – 5–12 м). Для строительства использовались необработанные валуны среднего размера (0,25–0,4 м), взятые с каменистого пляжа. Небольшое число сооружений частично заросло дерном, камни покрыты лишайниками. У самого нижнего сложения растительность на камнях отсутствует, что можно объяснить близостью к морю.

Перечислим основные конструктивные признаки сложений. Округлый в плане контур имеют только три объекта, у остальных – прямоугольная форма. Строители выкладывали прямые углы, оформляя их крупными камнями (до 0,45 м), выдерживали вертикальность внешних стенок, высотой до 0,4–0,45 м, складывая их из более крупных валунов, уложенных в два-три ряда. В центр конструкции помещались более мелкие камни (0,25–0,3 м). У шести сложений верхняя плоскость аккуратно сделана ровной. Пять кладок «пристроены» с востока к большим, вросшим в землю валунам. Направление длинной оси объектов – параллельно берегу моря – запад – восток. В одном случае на верхней плоскости объекта сложена кучка небольших камней, высотой 0,3 м.

3. В пограничной полосе Ковдорского р-на Мурманской области, в 10 км к востоку от государственной границы, на высоком северо-восточном берегу небольшого верхового озера Окунёвое, в 1990-е годах местными жителями открыта интересная группа валунных сложений, получившая у краеведов название ««кладки шаманского комплекса». В 2012 году памятник обследовался комплексной экспедицией Национального музея Республики Карелия [2].

В комплекс входят три обособленные группы валунных сложений.

Группа 1 состоит из девяти каменных сооружений, разбросанных на площади 50 × 40 м, в 70 м от озера, на высоте 2–6 м над уровнем воды. Кладки имеют разную величину (самая большая – 2,3 × 1,8 × 0,9 м), все в плане четкой прямоугольной формы. Собранные поблизости камни укладывались в два ряда, с помещением вниз более крупных валунов (max 0,35 × 0,3 × 0,3 м). Четыре объекта «оформлены» установкой «угловых» камней и укладкой в центре плоских плит.

Группа 2 занимает поросшую редким мелким сосняком ровную площадку на вершине холма, в 390 м от озера. Семь единообразных валунных сложений ориентированы приблизительно одинаково – север – юг. Они стоят на удалении в 6–7 м друг от друга, занимая участок 35 × 20 м. В северной части группы, между сложениями находится крупный валун с ровной верхней плоскостью (1 × 1 × 0,75 м) (рис. 4).

Все сложения в плане имеют четкую прямоугольную форму с прямыми, вертикальными стенками и плоским верхом. Усредненная высота сооружений – 0,9 м. Укладка камней произведена тщательно, с «выведением» ровных углов у конструкции. По углам установлены камни – «декоративные навершия», которые придают сложениям законченный вид. Размеры использованных камней – max 0,65 × 0,25 × 0,3 м и min 0,2 × 0,1 × 0,13 м. Следы воздействия огня на них отсутствуют. Центральное заполнение «ящиков» – бессистемно наваленные камни. Размеры «внутренних камер» различаются: от 0,6 × 0,4 м до 1,2 × 0,6 м. Нижний ряд камней («основание») состоит из крупных валунов, положенных на грунт без древесных подкладок. Материал для постройки брался из-под мха, рядом с конструкциями. По окружности, на удалении в 2–7 м от кладок хорошо заметны задернованные лунки от извлеченных камней.

Группа 3 – два «каменных ящика» (1,4 × 1,3 × 0,8 м и 2,2 × 1,5 × 0,45 м), в плане также прямоугольной формы и одно разрушенное сложение, находится в 70 м к юго-востоку ниже по склону от группы 2.

Несмотря на «хрупкость» конструкций, сохранность большинства объектов хорошая. Из девятнадцати кладок одна в «нижнем» скоплении и одна в «верхнем» были разобраны, в 1990-е годах «любознательными клагоискателями», но другие остались в неприкосновенности. Три сложения в «верхних» группах частично осыпались, скорее всего, вследствие естественных процессов.

При наличии общих сходных черт: правильная прямоугольная в плане форма, «выведение» стен и углов, использование крупных валунов в основании, «засыпка» центральной части более мелкими и плоскими камнями – нельзя утверждать, что все каменные сложения на озере Окунёвое идентичны. Конструкции групп 2 и 3 отличаются от валунных сооружений на нижних уровнях склона холма более значительной высотой, достигающей до 0,9 м и делающей их сходными с «каменными ящиками».

При отсутствии находок подробное описание наземной конструкции становится основным источником для поиска аналогий. С этой целью в группе 1 частично (без снятия внешнего контура сооружения) в границах небольшого раскопа (5 м²) была разобрана одна из кладок. Она располагается на ровной, с небольшим наклоном к западу, каменистой площадке, поросшей мелким сосняком. Рядом с ней, на удалении в 4–5 м находятся еще два сложения поменьше. Вскрытая кладка четырехугольной формы, с небольшим сужением к западу, размерами 2,2 × 1,8–1,6 м, ориентирована длинной осью по линии запад – восток, т.е. по направлению к озеру. Из двух рядов крупных валунов (0,5–0,7 × 0,35–0,45 м) сложены небольшие «стенки» высотой 0,35–0,52 м. Целенаправленно «подчеркнуты» прямые углы конструк-

ции. Западная «стенка» ниже «верхней», восточной на 0,14–0,15 м. В центре в два ряда уложены плашмя плоские и мелкие камни. Нижние из них уходят в естественный слой почвы на 0,05–0,07 м. Размеры внутреннего пространства – 1,5–1,6 × 0,98–1,2 м. На камнях следы обработки отсутствуют (рис. 5).

После удаления в центре конструкции камней и верхнего слоя почвы на глубину 0,2 м, прослежена следующая стратиграфия: погребенный под камнями дерн – 0,01 м; темно-серый подзол – 0,03–0,04 м; темно-желтый песок – 0,13 м; желтый песок, что идентично стратиграфической колонке за пределами кладки.

Раскопки позволили восстановить конструктивные особенности кладки и процесс ее строительства. Она делалась в бесснежный период несколькими людьми. Сначала создавались стенки конструкции – два ряда камней на высоту до 0,5 м. Затем центральная часть заполнялась каменной «засыпкой». Следы углубления в почву и остатки деревянных конструкций отсутствуют.

На участке раскопанной кладки М.А. Кульковой проведены геохимические исследования. Образцы отбирались из верхнего слоя почвы внутри и снаружи каменного сложения. Химический состав отложений определялся методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа. Полученные данные проанализированы методами математической статистики. Факторный анализ позволил обнаружить группу элементов-индикаторов антропогенной деятельности на памятнике, что дало возможность выявить соотношение между компонентами, связанными с человеческой активностью и остальными элементами.

Сравнение концентраций набора геохимических индикаторов антропогенной деятельности (фосфор, кальций, рубидий, стронций, калий) в образцах внутри сложения со значениями содержаний в фоновых образцах показывает, что они практически одинаковы. Это свидетельствует о том, что под камнями отсутствовало погребение и сооружение не имело хозяйственного назначения.

Обсуждение

Перечень памятников в Восточной Фенноскандии, подобных вышеописанному, можно расширить. Например, включить в него группу каменных сложений на реке Ура около п. Килпъявр (Кольский р-н Мурманской обл.). Семь каменных кладок (1 × 1,7 × 0,6–1,2 м) располагаются двумя рядами по линии запад – восток, на удалении 3–14 м друг от друга и, вероятно, представляют единый комплекс. Они в плане квадратной, треугольной, трапециевидной формы, сделаны из крупных валунов с укладкой более мелкого камня в центре конструкций. Одно сооружение увенчано вертикально установленным камнем. При их осмотре находки не найдены. Памятник предположительно определен как погребальный или культовый [3, с. 64]. Раскопки подобного сооружения в бассейне р. Дроздовка на восточном побережье Кольского п-ова в 1985 г. не дали дополнительной информации.

Также в 2020 г. на северном берегу реки Западная Майка (Печенгский р-н Мурманской обл.), в 2,5 км от моря, открыта группа из 25 каменных сложений, идентичных «верхним» выкладкам около г. Ковдор. В 2019 году огромный комплекс из двухсот кладок

предварительно обследовался М.М. Шахновичем около озера Боярское в Лоухском р-не Республики Карелия (рис. 6, 7). При раскопках в 2007 году могильника XVII–XVIII вв. д. Алозеро (Калевальский р-н Республики Карелия), на его территории были отмечены три небольшие каменные кучи, топографически не соотносившиеся с конкретными могилами [4, с. 104–108].

Тема «валунных сложений неясного назначения» на Северо-Западе России периодически поднимается среди российских специалистов. При отсутствии находок их обычно интерпретируют как разновременные надгробные, жертвенные, обрядово-магические и культовые объекты [3, с. 70–73; 5, с. 272–274].

Изучение валунных сложений находится на начальном этапе. Археологи, как правило, занимаются только первичной полевой фиксацией объектов. Вместе с тем и проведение раскопок не всегда позволяет четко определить назначение каменных куч. На основе собственного опыта работы с рассмотренными объектами в Карелии и на Кольском п-ве можно утверждать, что они не предназначались для хозяйственных задач. Ряд общих признаков позволяет отнести данные сооружения к группе памятников, связанных с православной погребальной традицией. Это широтная ориентированность каменных сложений (Каклолакши, Кильдин), общее расположение «за водой», на периферии «освященной земли» кладбищ (Каклолакши), визуальное сходство с надгробными земляными холмиками или деревянными «домиками мертвых» [6]. Предположительно, это кенотафы – место упокоения души при отсутствии тела.

По материалам трех представленных в публикации памятников можно предварительно наметить типологическое разделение валунных кенотафов по внешним морфологическим признакам на три условные группы: «могильные холмики», «платформы» и «блоки». Каждая из этих групп имеет свои конструктивные особенности и создавалась по конкретному плану. Разновидовые конструкции на памятниках часто располагаются вместе, как, например, было на озерах Окунёвое и Боярское. При этом формы, которые можно было бы определить как переходные, гибридные, отсутствуют.

Объективно наши знания о валунных сложениях незначительны. Раскопки сооружения озера Окунёвое не выявили углубления в грунте под камнями, имитирующего могильную яму. Но встречается и противоположная ситуация, как, например, было прослежено на комплексе Низмеленхови I в Северном Приладожье [7]. Также нельзя установить, дополняли ли каменные сооружения конструкции из дерева (перекрытия, столбы, «домики мертвых», ограда и т.п.), проводились ли какие-то ритуальные действия, маркировался ли специальными знаками-символами на деревьях-карсикко участок их местонахождения [8]. Мы не имеем находок, которые позволили бы ответить на вопросы их датирования и культурной принадлежности.

По нашему мнению, чтобы понять назначение данных сооружений из камней, необходимо обратиться к теме «нечистых покойников» в православном погребальном обряде.

Рисунок 2 – Озеро Среднее Куйто.
Каклолакши I. Валунное сложение 6

Рисунок 3 – Остров Кильдин. Черный I.
Валунное сложение 14

Рисунок 4 – Озеро Окунёвое. Группа 2.
Валунное сложение 2

Рисунок 5 – Озеро Окунёвое. Группа 1.
Валунное сложение 4

Рисунок 6 – Озеро Боярское. Валунное сложение 68

Рисунок 7 – Озеро Боярское. Валунное сложение 69

«Заложные покойники»

В основе православного погребального обряда в Средневековье находилось общее представление о разделении усопших на тех, кто умер «своей» или «не-своей» смертью, соответственно, на «предков» и «заложных», «чистых» и «нечистых» [9, с. 247; 10, с. 151–205; 11]. Первые закончили земной путь «благой» кончиной, «по-людски», избыв предначертанный век до конца. Они хоронились в соответствии с общей христианской традицией и получали упокоевание в загробном мире. Вторые встретили внезапную, «нужную» смерть «до часу» (скоропостижную или насильственную, не зависящую от воли человека) или наоборот, «после часу», «заедавая чужой век», а также «напрасную», связанную с грехом. Для «заложных покойников» существовали ограничения по христианскому погребению и церковному поминовению [12, с. 11, 27–36].

В народных представлениях список «нечистых» покойников, «неизживших своего века», значителен. К ним относились самоубийцы, утонувшие, «опойцы», замерзшие, заблудившиеся в лесу, умершие при несчастном случае, от ран, от удара молнии, во время эпидемий или от голода, угоревшие при пожаре, погибшие на войне или от рук разбойников, контактировавшие с «нечистой силой», пьяницы, большие грешники – развратники и убийцы, умершие «в темноте» или без покаяния и соборования, не успевшие завершить важное жизненное дело или скрепленные сильными эмоциональными связями, прерванными смертью (жених – невеста, умершие в период между помолвкой и свадьбой, должники, кормящая мать, любимые супруги или дети). Дополняют перечень своими матерями случайно («заспанные») или умышленно, выкидыши, проклятые родителями, женщины, умершие беременными, при родах или в течение сорока дней после них («неочистившиеся»), зачатые, рожденные или умершие во время Святочной или Троицкой недели.

«Заложный покойник» может быть не окончательно «чужим», но его неуспокоение – присутствие в мире живых – однозначно нежелательно. Умершие посещают живых во сне или наяву, что приводит к смерти или предвещает важные события различного характера. Посмертный срок «хождения» покойника ограничивался «часовой смертью», т.е. временем, когда скоропостижно умерший должен был принять естественную смерть или прекращается проведением определенных обрядовых действий.

По народным представлениям, тела «нечистых» остаются нетленными «до времени», земля их не принимает – гроб или тело выходят на поверхность потому, что душа осталась рядом с телом. Они не отпевались, не поминались в церкви, на могиле не устанавливался крест или голубец, снимался при захоронении и нательный крест [13, с. 91–92]. «Заложные», однако, не были полностью отторгнуты: они получали пожертвования через общую милостыню и поминались на могиле на неделе перед Троицей или в день Сорока мучеников [14, с. 119].

Мировоззренческие установки определяли вид погребального обряда. Погребение «заложных», полностью отличаясь от похорон «дедов», состояло из комплекса превентивных мер по их «обезвреживанию», которые должны были препятствовать их воз-

вращению в мир живых [15, с. 499–503]. В ареале позднеславянского расселения захоронения «нечистых» производились не в узаконенном пространстве освященной земли «родительских» кладбищ около церкви или часовни, а в одиночных или в коллективных захоронениях: на полях, перекрестках, болотах, оврагах, около дорог, в удаленных лесах, на границе полей и сел, за рвом, под порогом или в подклети домов, на гумне [16].

Считалось, что землю нельзя осквернять погребением «нечистых» покойников. Нарушение запрета приводило к стихийным бедствиям, таким как «бездожие и студены ветра» и неурожай, поэтому их захоронения были поверхностными [17, с. 142]. По археологическим и письменным данным, вокруг тела делались ограда из кольев или бревенчатый сруб в два венца.

На Русском Севере еще в начале XX века прослеживались остатки традиции особого отношения к умершим «неестественной» смертью: «отсроченные похороны» на общем кладбище, временное хранение тела в несоприкасающемся с землей «подвешенном» гробе «на кострах» или во открытой, неглубокой яме, охранное бдение около временного захоронения, занесение тела в дом [18]. Но фактологические сведения об особенностях захоронений «нечистых» покойников фрагментарны. Поэтому в историографии сохраняется восприятие этого «демонологического» раздела славянской и финно-угорской мифологии как легендарного и предметно неуловимого.

Все же при археологических работах встречаются одиночные поверхностные погребения «в поле», вне сельских некрополей, могилы без останков или с «оригинальным» положением тела и «нестандартными» сопутствующими предметами. В рамках парадигмы «противостояния официального христианства и народного язычества» это объяснялось спецификой местных «языческих» пережитков и локальными особенностями, т.н. «народным православием».

При археологических раскопках сельских средневековых могильников фиксируются признаки, которые могут, по нашему мнению, рассматриваться как предупредительные меры против «посмертной активности», совершенные при захоронении очевидного «опасного» умершего или «на всякий случай». Это связанные или посмертно сломанные руки или ноги, перевернутое тело, камни на груди, помещенные в гробовину предметы (железные вещи замыкающего, острого или колющего характера, монеты, хлеб, соль, свечи, специальная освященная одежда, стружки от гроба и т.п.), специальная, непригодная к использованию обувь, уголь и деготь в могильной засыпке, забитые в тело осиновые кольшкы [10; 19]. Практиковались и археологически нефиксируемые способы «запечатывания» могилы: поливание ее водой, осыпание маком и солью, укладка специальных трав, отнесение земли с могилы в церковь и т.д. Если эти действия были нерезультативны и «нечистый» активно вторгался в жизнь живых, то проводилось ритуальное осквернение могилы, гроба и останков (сжигание, расчленение, выбрасывание в болото) [20].

Отметим, что в позднем Средневековье меры по обезвреживанию «мертвецов» с незначительными вариациями были единообразны на огромной территории проживания различных этнических групп Восточной Европы, объединенных только единством вероисповедания и торговыми контактами.

«Заливная смерть»

По своим характеристикам православный обряд захоронения «заложных» отличается значительной вариабельностью. Во время наших археологических работ в Восточной Фенноскандии удалось проследить несколько различных способов захоронений отдельных групп «нечистых мертвецов». Это некрещенные новорожденные, хоронившиеся вдоль стен и в подклетах церквей и часовен, выкидыши последних сроков беременности, «дозревшие» в специальных местах (под печью, под камнем с «карнизом») и уложенные в специальных «пакетиках» из бересты в могилу при погребении матери [4; 21]. В данной статье остановимся еще на одной группе «нечистых» – это люди, принявшие смерть в водной стихии.

Утонувший или утопившийся человек однозначно причислялся к «заложным» покойникам. «Нужная кончина» в воде воспринималась мирянами и священнослужителями среди внезапных, «наглых» смертей более «лояльно», как несчастный случай, но с оговоркой, если это не произошло «по озорству». На территории Карелии и Лапландии гибель «мокрою бедою» для мужчин была обыденным явлением, особенно для жителей Поморья – морских зверопромышленников и рыбаков, часто тонущих при кораблекрушении или «относе морском» на льдине.

Место, где произошла трагедия или куда прибило мертвое тело, считалось в православной традиции сакрально значимым. Там устанавливался памятный крест [17, с. 135–136] или строилась часовня, возникал новый характерный антропоним по имени погибшего, если оно было известно, например «Андропова салма», или топоним, определяющий статус погибшего анонима («Солдатова губа» и т.п.). В отличие от утонувших на внутренних водоемах, «взятых морем» находили редко или далеко от места гибели, так как сильные морские течения могли унести их за 150–200 км. В Беломорье труп преимущественно захоронивали на берегу, где он был обнаружен [22, с. 147; 23, с. 78]. В советский период «своих» хоронили на обособленном участке, на границе сельского кладбища [24, с. 68].

Кенотафы

Создание валунных кенотафов – это часть комплекса правил православного погребального обряда, в ситуации, когда отсутствует тело для захоронения. Данная традиция связана с заботой о загробном существовании душ умерших, на облегчении их посмертной участи.

В православии душа – своеобразный двойник человека-христианина, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле («телесная»), навсегда покидающая его в момент смерти и после этого ведущая независимое существование («свободная»). Душа «нечистого» умершего, не получившая пристанища, остается между мирами. Особенно опасным считалось, если она задержится и вернется в мертвое тело.

После посмертных скитаний «неприкаянной» души в течение первых сорока дней после смерти, она должна обрести «вечный дом», иначе не попадет «на тот свет» [17, с. 135–136]. Могила, даже символическая, служит «укрытием» для души, которая может оставлять его, но вынуждена возвращаться обратно. Создание «пристанища» для посмертного пребывания «души непохороненных костей» должно

полностью или отчасти купировать ее негативное воздействие на «мир живых» [25].

Кенотаф может с разной степенью полноты воспроизводить традиционное захоронение (с отсутствием останков) или только визуально символизировать погребальное сооружение, имитируя набор узнаваемых наземных черт реальных могил. В первом случае точное определение функционального назначения погребения более дискуссионно, т.к. «пустые» захоронения могли образоваться в процессе преднамеренного удаления останков в ходе действий ритуального или вынужденного характера, что практиковалось на «временных» семейных кладбищах в Приграничной Карелии, или при не сохранении останков в неблагоприятной среде грунта.

«Территория мертвых» отделялась искусственными (ограда, ров) и природными физическими границами от мира живых. Открытая вода и камни – это невидимые и непроходимые для нечистой силы рубежи [26, с. 176]. Возможно, поэтому для создания кенотафов выбраны камни, а не обычный грунт.

Частичное или полное сооружение и оформление могильных конструкций с использованием камней (плиты, валуны, булыжник) – распространенная, разновременная традиция. Камень не только удобен для строительства и долговечен, но в погребальном ритуале ему отводилось особое смысловое назначение, чаще всего – «запирание» покойника. В Средневековье и Новом времени встречаются разные способы «запечатывания мертвого» с помощью камней. Наиболее распространенные – это укладка камня на тело (грудь, руку или ногу), обкладка (полная или частичная) камнями земляного могильного холмика по периметру и по всей поверхности [27, с. 63]. В рассмотренных в работе валунных объектах, созданных из камней и на каменистых участках, реализовывалась, вероятно, именно особая «защитная», «закрывающая» функция камней.

В контексте темы приведем, по нашему мнению, интересные этнографические наблюдения. Например, в центральных областях России и в Карелии именно камень использовался во время похорон, как место для обитания души в сорокадневный период после смерти [15, с. 495]. А в Каргополье в XIX веке «скрытников», членов одного из радикальных старообрядческих толков, погребали тайно под каменными кучами в лесу: «...хоронили своих покойников в камеленках в лесу, то есть заваливали тела камнями, причем старались делать это ночью, чтоб никто не видел» [28, с. 140]. Возможно, в последнем случае прослеживается продолжение раннехристианской традиции уничижительного отношения к своему греховному телу после смерти [29].

Выводы

Тема создания кенотафов как разновидности православной погребальной практики, связанной с умершими «до срока», недостаточно освещена в отечественной историографии. Предложенная интерпретация исследованных валунных сложений в Восточной Фенноскандии – это предварительная, рабочая гипотеза, которая должна активизировать научную дискуссию. Полное понимание смысла назначения этих объектов нам, скорее всего, недоступно, но работа по их обследованию в приполярных регионах должна продолжаться.

На имеющихся в нашем распоряжении материалах можно ограничить распространение традиции создания каменных кенотафов ареалом культуры русских и карел Поморья европейского Севера. Вероятно, исторически она была гораздо шире и при целенаправленном изучении сходные объекты будут выявлены по всему Русскому Северу.

В российской историографии данная традиция рассматривается как архаичный пережиток дохристианских верований славянского населения, постепенно вошедшая в православный погребальный обряд. Однако объективные данные о датировании и культурной принадлежности валунных кенотафов Русской Лапландии отсутствуют. Сегодня мы можем предварительно отнести их к периоду позднего Средневековья – Нового времени и определить их частью культуры православного населения Восточной Фенноскандии.

Список литературы:

1. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Кольская археологическая экспедиция // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 7–10.
2. Шахнович М.М., Кулькова М.А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. Вып. 10, т. II / отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2015. С. 245–255.
3. Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров / отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Наука, 1992. С. 64–74.
4. Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году / отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 104–109.
5. Шахнович М.М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник: сб. ст. Вып. 10 / отв. ред. И.В. Мельников. Петрозаводск: КарНЦ, 2005. С. 260–276.
6. Медведев П.П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России: сб. науч. ст. и мат-лов: докл. междунар. науч. конф. (13–17 сентября 1994 г. / отв. ред. и сост. А.М. Пашков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–210.
7. Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сони́на А.В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 12 / отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2019. С. 496–509. DOI: 10.25681/iaras.2019.978-5-94375-279-7.496-509.
8. Конкка А.П. Карсикко. Деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
9. Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: мат-лы и исслед. / отв. ред. Н.И. Толстой. Л.: Наука, 1983. С. 246–262.
10. Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.
11. Бон Т.М. Ходячие покойники в жизни восточных славян: «*Magia posthuma*» в Древней Руси и вампиризм в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 4 (51). С. 64–77. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-64-77.
12. Авдеев А.Г. Регулирование захоронений на некрополях Московской Руси: правила, нормы, обычаи, суеверия // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 4 (20). С. 7–70.
13. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
15. Зеленин Д.К. Русская этнография. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 672 с.
16. Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262.
17. Соболев А.Н. Загробный мир по древнерусским представлениям: Литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мироздания. Сергиев Посад: Изд. М.С. Елова, 1913. 208 с.
18. Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. № 10 / отв. ред. А.К. Байбурун. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 299–310.
19. Травкин П.Н. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 2 / отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: ИПК Парето-Принт, 1997. С. 59–63.
20. Гайдучик В.Н. О чрезвычайных народных средствах «борьбы» с эпидемиями // Таинственная Беларусь III: мат-лы конф. (г. Минск, 22 января 2017 г.) / отв. ред. К.С. Хмелевич. Минск: Регистр, 2017. С. 55–75.
21. Шахнович М.М., Ширококов И.Г. Позднесредневековый могильник с. Варзуга: итоги работ 2011–2012 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: мат-лы науч. конф., посв. 80-летию со дня рожд. М.Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–24 января 2013 года) / отв. ред.: В.Л. Янин, сост.: О.А. Тарабардина, С.Е. Торопов. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. С. 97–114.
22. Косменко М.Г. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 126–152.
23. Ануфриев Д.А. Записки очевидца Д.А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год. Архангельск: Губернская типография, 1916. 136 с.
24. Конкка А.П. Кладбище в Гридине как выдающийся объект сакральной географии Карельского Поморья // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 67–79.
25. Виноградова Л.Н. Метаморфозы души: от телесной субстанции к материальным формам // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации / отв. ред. Д.И. Антонов. М.: Дело, 2015. С. 33–38.
26. Рассел Д.Б. Сатана: восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
27. Гваньини А. Описание Московии / пер. с лат. Г.Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 136 с.
28. Мороз А.Б. Молитвенные пещеры в Каргополье. История и нарративы // Каргополье с древнейших времен: история и культура: мат-лы XVI всерос. науч.-практ. конф., 18–20 августа 2020 г. / отв. ред. Е.А. Баталова. Архангельск: КИРА, 2020. С. 137–148.

29. Герд Л.А. Визуальная оценка останков человека в византийском и поствизантийском каноническом праве // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: тез. докл. и сообщ. III междунар. Византийского семинара (Севастополь, 31.05–05.06.2011 г.). Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2011. С. 11–13.

Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Шахнович Марк Михайлович , кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник центра гуманитарных проблем Баренц региона; Кольский научный центр РАН (г. Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация). E-mail: marksuk62@mail.ru.	Shakhnovich Mark Mikhailovich , candidate of historical sciences, leading researcher of Barents Centre of the Humanities; Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Murmansk Region, Russian Federation). E-mail: marksuk62@mail.ru.

Для цитирования:

Шахнович М.М. Валунные кенотафы Восточной Фенноскандии: к вопросу об одной разновидности православного погребального обряда в позднем Средневековье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 152–160. DOI: 10.55355/snv2022113202.